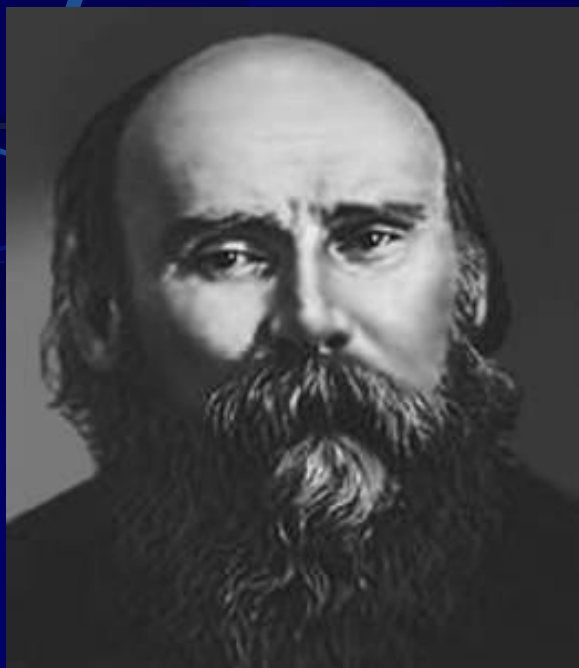

Н. Ключев.

«Ладожский дьячок»

Николай Ключев.
(1884 – 1937)

Вступление.

*О, Боже сладостный, ужель я в малый
миг*

*Родимой речи таинство постиг,
Прозрел, что в языке поруганном моем
Живет Синайский глас и вышний
трубный гром...*

(Н. Клюев)

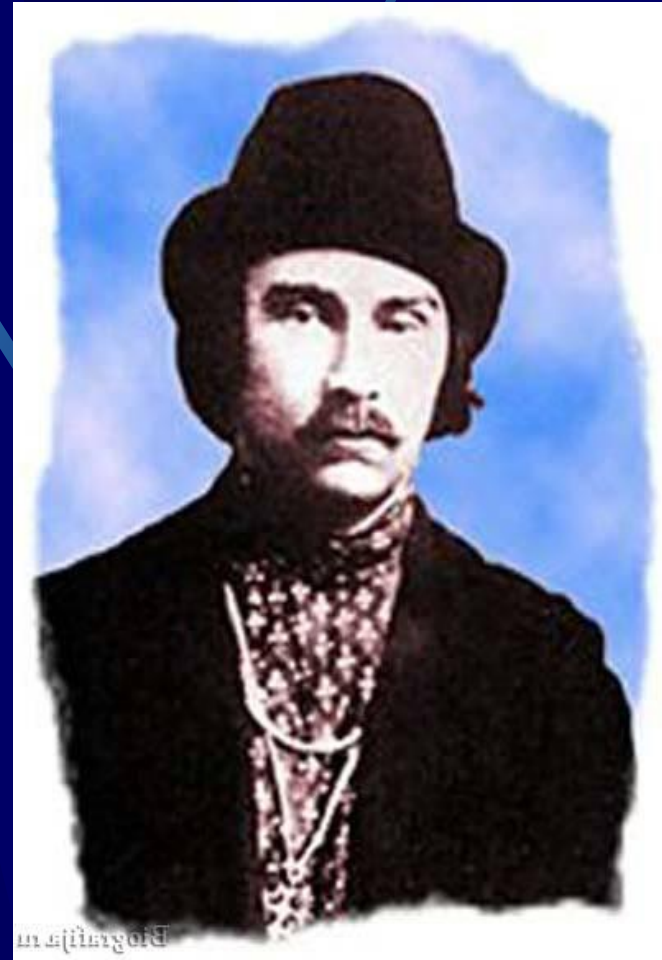
Биография.

Николай Алексеевич Клюев родился 10 октября 1884 года в деревне Коштуге Коштугской волости Вытегорского уезда Олонецкой губернии (ныне Вытегорский район Вологодской области). Его отец, Алексей Тимофеевич, крестьянин Кирилловского уезда Новгородской губернии, после пятнадцатилетней военной службы поселился в Вытегорском уезде и вскоре женился. Прасковья Дмитриевна — мать поэта — была родом из Заонежья, из семьи старообрядцев. Она была грамотным и начитанным человеком, знала очень много народных песен, духовных стихов. В доме Клюевых была целая библиотека из рукописных и старопечатных книг религиозного содержания. Именно мать научила сына читать. Вспоминая в 1919 году о матери, Клюев говорил: «Памятовала она несколько тысяч словесных гнезд стихами и полууставно...»

Детство и отрочество.

Мальчиком он жил в доме деда Тимофея в Вытегре, где окончил двухклассное училище. Его домашнее воспитание и образование в религиозном духе привела к тому, что в отрочестве будущий поэт оказывается в Соловецком монастыре, видимо, по настоянию матери: он должен был пройти там хорошую школу духовной грамоты и послушания.

Вскоре после ухода из монастыря Ключев пробыл один год или немного более того в Петрозаводской фельдшерской школе, но дальше учиться в ней по болезни не смог и вернулся под родительский кров.

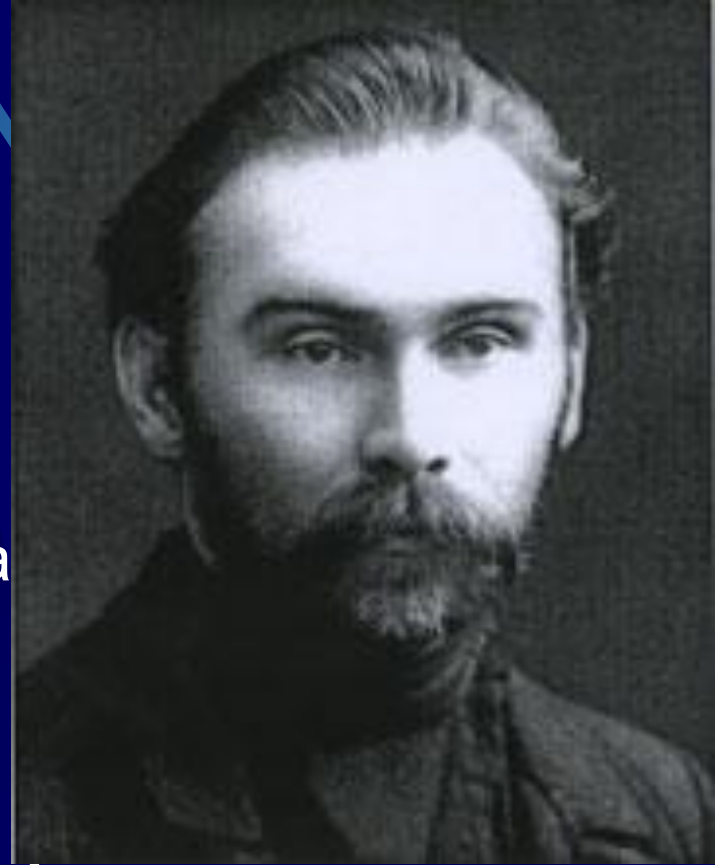

Юность.

Не довольствуясь разного рода укорами сыну, отец выгнал Николая из дому, и поэт долгое время скитался без крова.

Как свидетельствуют современники, он побывал в Иране, Китае и Индии. Ключев приобщается к огромному кладезю знаний, в том числе магических, ему приписывали гипнотическую силу. Поэт был универсальной личностью: умел играть на нескольких музыкальных инструментах, прекрасно пел, облада недюжинными актерскими способностями.

В начале 1900-х годов Ключев добрался до Питера, где и нашел пристанище любимой сестры.

В 1904 году в сборнике «Новые поэты» состоялась первая публикация стихотворений Клюева. Именно тогда завязываются его связи с революционно настроенными столичными кругами.

В 1905 году, в дни революционного подъема, охватившего всю Россию, Клюев сближается также и с московским «Народным кружком».

25 января 1906 года был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности. В конце июля, выйдя из губернской тюрьмы, Клюев принял участие в митинге, созванном большевистской организацией Петрозаводска.

В 1907 году завязывает отношения с некоторыми из петербургских литераторов, вступает в переписку с Блоком; несколько лет она ведется заочно.

В 1911 году в Петербурге происходит первая встреча Клюева с Блоком

В 1911 году выходит первый сборник стихотворений «Сосен перезвон». После этого Клюев получает широкую известность.

Зимой 1912 – 1913 годах Клюев благодаря Городецкому сближается с только что зародившимся «Цехом поэтов» и акмеистами – Гумилевым, Ахматовой и др. До весны 1913 года поэт выступает как их союзник. Выходит вторая книжка «Братские песни» и третий сборник стихов «Лесные были».

В 1915 году, переехав в Петербург, К. знакомится с Сергеем Есениным, между ними завязывается дружба.

В 1916 году К. совершает несколько гастрольных туров по городам России вместе с известной певицей Надеждой Плевицкой.

Февральскую революцию 1917 года К. встречает в Петрограде, восторженно приветствуя свержение самодержавия. Расходится с Есениным.

В 1920 – 1922 годах пишет поэмы «Четвертый Рим» и «Мать-Суббота», сборник «Львиный хлеб».

В середине 1923 года Клюев был арестован в Вытегре и доставлен в Петроград (причины Ареста не вполне выяснены). Освобождается через

несколько недель. В 20-е годы поэт остро нуждается и нищенствует.

К. материально помогает Максим Горький. Создает поэмы «Плач о Сергее Есенине» и «Погорельщина». В журнале «Звезда» печатают поэму «Деревня».

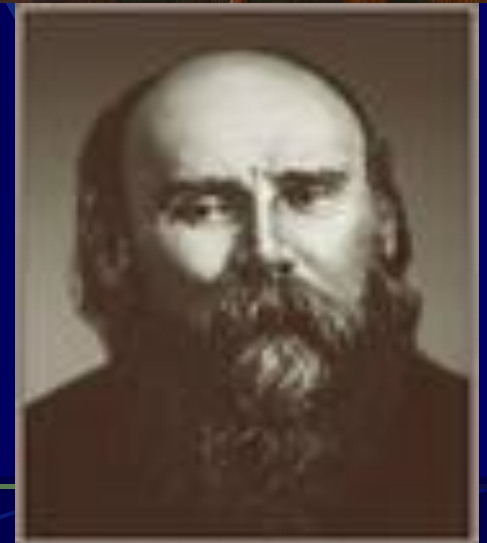
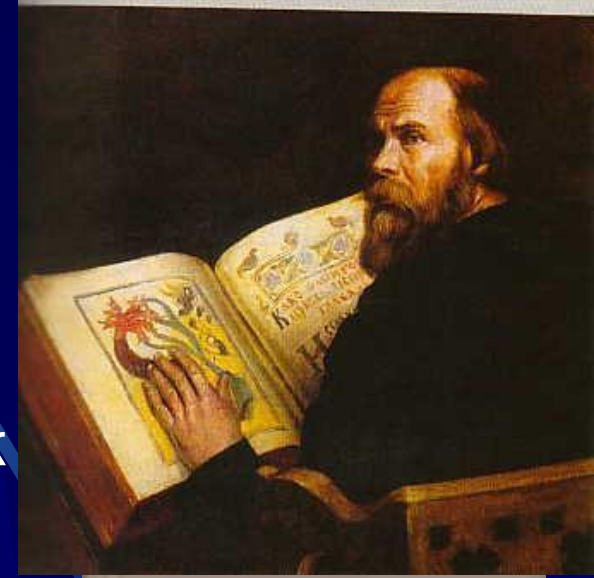

В 1933 году новый сборник «О чем шумят седые кедры». Невыносимо трудное материальное положение заставляет поэта, если верить свидетельствам, просить милостыню на церковной паперти.

2 февраля 1934 года К. был арестован и выслан из Москвы на пять лет.

В мае 1936 года К. разбил паралич, и он оказался на долгое время прикованным к постели.

Долгие годы жила легенда о смерти поэта на станции Тайга от сердечного приступа и пропаже его чемодана с рукописями. В действительности же Николай Клюев был расстрелян в Томске 23-25 октября 1937 года.

Особенности поэзии.

Первые публикации стихов Н. Клюева (1887— 1937) и появление поэта в литературных кружках и собраниях сразу же вызвали сочувственные отклики буржуазно-либеральной и декадентской критики, которая усмотрела в его творчестве выражение стихийно-религиозных начал народного сознания, глубин национального духа. В поэзии Клюева отразились объективные противоречия крестьянского миропонимания (т. е. наивность крестьянской массы, ее патриархальные настроения непротивления, желание уйти от мира, “бессильные проклятья по адресу капитализма”).

Религиозные мотивы поэзии Клюева имели объективное основание в особенностях крестьянского патриархального понимания мира, одной из черт которого был мистицизм.

Для Клюева была характерна и наигранная подчеркнутость “народности” поэтических произведений.

Книга «Сосен перезвон»

В 1912 г. поэт выпустил книгу стихов «Сосен перезвон». Это были стихи о Руси, о русском народе, благостном и кротком. Русская деревня в стихах Клюева рисовалась благодатным «избяным раем». Думы крестьян в его стихах — о нездешнем и неземном, в «перезвоне» сосен им слышатся перезвоны церковных колоколов, зовущие в «жилище ангелов».

Мотивы народного гнева и горя, сменяются мотивами, заимствованными из религиозной старообрядческой книжности, духовных стихов. Ключев резко противопоставляет современному “миру железа” патриархальную деревенскую “глухомань”, идеализирует вымышленную старую благостную, сытую деревню, ее “избяной” быт с расписными ендовами, бахромчатыми платами селян, лаковыми праздничными санями. Для него “изба — святилище земли с запечной тайною и раем” .

Книга “Братские песни”

Стихи второй книги Клюева “Братские песни” (1912) построены на мотивах и образах, взятых из сектантских духовных песнопений. Это песни, сочиненные для “братьев по духу”.

По стилю, образности стихи Клюева этого периода близки духовным песням. Недаром Есенин назовет Клюева “ладожским дьячком” .

Поэт русской природы.

В историю русской поэзии начала века Клюев вошел, однако, прежде всего как поэт русской природы. Эти стихи сам Клюев выделял в особые циклы, подчеркивая их связь с традицией народной поэзии. (Например, сб. “Мирские думы”, 1916). Цикл “Лесные были” открывается характерным в этом смысле стихотворением: *Пашни буры, межи зелены, Спит за елями закат, Камней мшистые расщелины Влагу вешнюю таят. Хороша лесная родина: Глушь да поймища кругом!.. Прослезилася смородина Травный слушая псалом...*

В этих стихах Клюев виртуозно использует образы, приемы фольклорного творчества, богатство и многоцветно русского народного языка. Но примечательно, что в устном народном творчестве наиболее близкими ему оказываются самые древние традиции — народных поверий, обрядовой поэзии. Часто поэт терял чувство меры, нагнетая “народные” элементы, диалектизмы. Кроме того, “социальные, трудовые и нравственные стороны жизни современной деревни Клюеву словно бы неизвестны.

Анализ стихотворения «Россия плачет пожарами...»

Россия плачет пожарами,
Варом, горячей золой
Над перинами, над самоварами,
Над черной уездной судьбой.
Россия смеется зарницами,
Плеском вод, перелетом гусей
Над чертогами и темницами,
Над грудой разбитых цепей.
Россия плачет распутицей,
Листопадом, серым дождем
Над кутьею и Троеручицей
С кисою, с пудовым замком.

Россия смеется бурями,
Блеском молний, обвалами гор
Над столетьями, буйными хмурыми,
Где седины и мысленный сор,
Над моею заклятой тетрадкой,
Где за строчками визг бесенят...
Простираюсь перед укладкою
И слезам, и хохоту рад, –
Там, Бомбеем и Ладогой веющий,
Притаился мамин платок...
О твердыни ларца, пламенеющий,
Разбивается смертный поток.
И над Русью ветвится и множится
Вавилонского плата кайма...
Возгремит, воссияет, обожится
Материнская вещая тьма!

Образная структура стихотворения сложная. В первых четырех строфах дается сотканный из противоречий и все-таки единый образ России, которой свойственна и тоска, с жуть уездного, провинциального существования, и жажда самоуничтожения, а с другой стороны, она может быть отважной, озаренной стремлением к подвигу, полной надежд и чаяний. Этот образ складывается из мозаики чисто клюевских деталей: тут и вар (вареная смола), и горячая зола, и самовары с перинами, и серый дождь, кутья (которую едят на похоронах), Троеручица (одна из явленных икон Богородицы), кisa (кошель или сума), пудовый замок... Очень выразительны осколки разнообразных российских пейзажей: зарницы, плеск вод, гуси, распутица, блеск молний и обвалы гор. Вся эта масса микрообразов спаяна повторяющимися формулами олицетворения «Россия плачет» и «Россия смеется».

Вполне естественным выглядит переход от России к образу матери поэта, создавшемуся с помощью упоминания о материнском платке, спрятанном в укладке (сундуке). Этот платок сочетает яркие краски Индии (Бомбея) с северным орнаментом (Ладогой) и дает герою силу душевной стойкости.

Нарядный, вполне узнаваемый, хранящийся в сундуке материнский платок в последней строфе превращается в нечто необъятное, великое, вечное – в «Вавилонский плат», который «ветвится и множится» над Русью. Поэт верит, что Русь спасется неисчерпаемостью своего прошлого, своей величавой мощью и способностью провидеть будущее. В последних строчках образы России и матери как бы сливаются:

Возгремит, воссияет, обожится
Материнская вещая тьма!

Пророческий смысл высказывания подкрепляется церковнославянскими приставками «воз», трехкратным повтором, необычным глаголом «обожится» (т.е. Обретет Божье благословение).

Необычен размер стихотворения – трехударный дольник, ритмическая свобода которого хорошо сочетается с богатством образной системы.

Как солнце в капле воды в этих стихах отразился неповторимый творческий склад большого русского поэта – певца северорусской крестьянской культуры, вечных народных и религиозных нравственных ценностей, пророка и плакальщика.

Национальный колорит поэзии.

Национальный колорит поэзии Клюева, богатство народных художественных элементов, рассыпанных в его стихах, привлекли внимание Есенина, который одно время принял позицию Клюева за подлинно народную. Максим Горький или, например, Бунин воспринимали Клюева недоверчиво, видели в нем хитроватого мужика, нарочито рядящегося в крестьянскую одежду. Но и они признавали его незаурядный поэтический талант.

